

Полторашка на пульте

Комиссия нагрянула под самый финал пуско-наладочных работ. То есть, не вовремя. Как всегда, то есть.

Два седеньких старичка, отличавшиеся друг от друга лишь количеством волос – причем поштучно – зашли в помещение новенькой телефонной станции. Возвышавшийся сзади бригадир Жуков грозил всем кулаками и строил жуткие гримасы. А ведь мог бы и позвонить, предупредить заранее.

Воздух пах нагретой канифолью и паленой изоляцией. Но опытные старички мгновенно унюхали и другой аромат.

- Что-то не слишком тонким слоем вы контакты протираете,- сурово заметил один.

А второй с глубокомысленным видом взял стоявшую на пульте початую полторашку – двумя пальчиками за самое горлышко – и так тяжело вздохнул, что даже практикант Витя понял – хана.

- Что вы, Павел Сергееч,- залебезил перед первым старичком бригадир,- слой наитончайший выходит. И, самое удивительное – ровный, словно стекло.

- И много тут стеклянных?- спросил второй старичок.

- Отродясь не водилось, Лексей Лексеич!- продолжал юлить Жуков.- Даже жены иногда звонят – когда ж муж с работы приползет? В смысле – когда ж, как нормальный мужик, напьется на рабочем месте? Перед соседками стыдно уже. Заводские, что ни день, в гаражах дерутся, а работники связи, как истинная рабочая интеллигенция, Толстого читают, Чайковского слушают, носки вяжут...

- Носки – это перебор,- шепнул Петрович Парамонову.

- Перебор – это Чайковский,- тихо ответил Парамонов,- а носки у меня выходят очень даже ничего.

Петрович выпучил глаза и немного отодвинулся от соседа.

Жуков засек шевеление:

- Давайте возьмем, к примеру, Петровича.

- Давайте Петровича не возьмем,- тут же предложил Петрович.- Давайте оставим Петровича там, где он сейчас находится.

- Ну почему? Опытный монтажник, на доске почета висит, между прочим.

- Между каким таким прочим?- возмутился Парамонов.- Между мной и Кузько! Только узнать Петровича сложно – он фотографию времен армейской юности принес.

- И совсем не трудно,- возразил Кузько.- Я ему там усы пририсовал.

Жуков несколько раз открыл и закрыл рот. Наступила не очень хорошая тишина. Старички синхронно покачали головами и направились к выходу.

- Пробный пуск делали?- спросил Алексей Алексеевич бригадира.- Отказов не было?

- Ни одного!- отчеканил Жуков и даже попытался козырнуть.

- Ну-ну,- сказал Павел Сергеевич.

Старички ушли. Бригадир задержался.

- Вы, ссссс...- засвистел он, обводя смену змеиным взглядом,- сссс....связисты хреновы! Будете теперь за спиртом с ватными палочками для чистки ушей подходить. Это ж додуматься надо – поставить бутылку на самое видное место! Вы знаете, кто вас спалил? Это ж... это ж... Ленина помните?

Практикант Витя мотнул головой отрицательно, Петрович и Кузько – положительно. Ашот Кочарян, прикомандированный к бригаде сантехник, качнул и так, и этак – на всякий случай. Парамонов, всегда имевший особое мнение по любому вопросу, пожал плечами.

- Так вот, когда Ленин захватывал почту, телефон и телеграф, эти дедушки уже были почетными связистами! Вдвоем за неделю проложили кабель от Москвы до Владивостока! На основе произнесения заиками слова "Титикака" придумали азбуку Морзе! Разработали двоичный код и сейчас добивают троичный! Лично оторвали от пола первый мобильный телефон. Да они... и вообще! Кто из вас еще получает премии? Никто? Лично выпишу каждому и тут же лишу к чертовой матери!

Бригадир хлопнул дверью. Все старались не смотреть друг на друга.

- Я что-то совсем ничего не понял,- после слишком затянувшейся паузы сказал Кузько,- тут был спирт? И я об этом не знал?

- Клянусь, со вчерашнего дня во рту маковой соломки... росинки не было!- загорячился Ашот Кочарян.

- Вот он, злодей,- указал на полторашку Петрович,- забыли старички улику. И бригадир не забрал. Колитесь, братья во спирту – кто притащил и не угостил?

Помявшись, к пульту подошел практикант Витя, бесстрашно взял бутылку, повертел ее, пожал плечами и сказал:

- Так моя это.

- Твоя?!- воскликнул Петрович.- Мать твою... и где ты, салага, столько спирта раздобыл?

- И не спирт это вовсе,- ответил практикант.- Обычная минералка.

- А почему пузырьков не видать?

- Негазированная. Я с газом не люблю.

- А этикетка где?- не сдавался Петрович.

- В раковине под струей воды охлаждал. Отклеилась,- ответил Витя, открыл полторашку и отпил в доказательство своей правоты.

Все тоже отпили по глотку, даже Кузько, который воду за напиток признавал лишь, когда разводил ей спирт.

Действительно, в бутылке была вода. Минеральная или нет – то одним производителям известно. Но то, что не спирт – стопудово.

- Лопухнулись доисторические связисты,- сказал Петрович, и его глаза, увеличенные диоптриями очков, зловеще загорелись.- И маршал Жуков тоже лопухнулся. Ну, ребята, давайте доломаем комедию до полной финиты...

Ржали долго, душевно и до икоты. Один взгляд на бутылку вызывал приступы веселья. Успокоились только к обеду.

Ровно за пять минут до перерыва – не успел еще Кузько уговорить всех скинуться на настоящий продукт – дверь распахнулась. Старички, а сзади почетным эскортом бригадир. И втроем – к полторашке.

- А вам не кажется, коллега,- спросил Павел Сергеевич Алексея Алексеевича,- что в прошлый раз жидкости в данном сосуде было не в пример больше? Как можно объяснить данный феномен?

- Так ведь спирт – летучая жидкость,- с отчаянием сказал Жуков,- при положительных температурах испаряется, значить. Что-то там грамм на литр... или килограмм на поллитра... У завхоза спросите – наша бригада по экономии спирта всегда в лидерах. Другие уже водку пьют... то есть, я хотел сказать...

- Несомненно, Сергей Иванович,- кивнул Алексей Алексеевич,- полностью с вами согласен. Жидкость летучая, само собой. Испаряется, опять же. Только я нахожу, что уж больно много за два часа испарилось. Через туго закрученную пробку, что характерно.

А надо сказать, что бутылку закрывал разволнованный практикант Витя, который на майские праздники в центральном парке культурного отдыха выиграл плюшевого медведя за победу в борьбе на руках. И попросил его об этом зловерный Петрович. Так что, не то, что ветеранам – самому бригадиру открыть полторашку не удалось.

- Ну ладно,- задумчиво сказал Павел Сергеевич,- трение там, сопротивление всякое. Или прикипела пробка. Бывает. Тут другая проблема: оставили мы бутылку, дали, так сказать, время ликвидировать... в смысле, улики. А она как стояла, так и стоит. Что это значит, коллеги?

- То и значит,- скрипнул зубами бригадир,- совсем страх потеряли. А совесть не потеряли, ибо нельзя потерять то, чего никогда не было.

Парамонов не выдержал и громко хрюкнул. Под пристальными взглядами комиссии и испепеляющими – коллег, попытался сделать вид, что закашлялся, но ему никто не поверил.

Комиссия вышла. Даже спина замыкающего строй Жукова говорила, что расправа станет скорой, кровавой и бесчеловечной. Скорее всего, барельефы монтажников будет легче закрасить, чем отскрести от стен.

- Кузько!- рявкнул Петрович.- Сегодня прямо забудь!

- А я чо? А я ничо,- начал закручивать указательный палец в подоконник Кузько.

- Ты у нас всегда "Чо",- принялся подымать свой упавший престиж за счет товарища Парамонов.- Это про тебя классик сказал: "Вода? Я пил ее однажды. Она не утоляет жажды".

- Как фамилия?- прищурился Кузько.

- Забыл, что ли? Парамонов.

- Да не твоя, а классика. Правильный мужик был. Может, я даже к его памятнику чекушку возложу. С полочки.

Ашот Кочарян сбегал в коридор, на разведку.

- В столовой сидят,- доложил он результаты,- борщом развлекаются. На второе сосиски с вермишелью. На третье кисель. Спиртное не обнаружено.

- Буржуи,- пробурчал Петрович, вытаскивая из пакета бутерброды.

Все с ним согласились, складывая на пульте домашние припасы.

- Эх,- сокрушался Кузько,- и зачем я только малосольные огурчики тащил?

- Хоть сегодня узнаешь, каковы они на вкус как еда, а не закусь,- безжалостно ответил Парамонов.

Пообедали без аппетита. Практикант Витя снова скрутил пробку на бутылке, все отхлебнули, продавливая непривычную сухомятку.

- Не до конца пейте, черти!- заволновался Петрович.- Эксперимент еще не закончился. Сейчас они с новыми силами нагрянут, тогда и посмеемся. Витя, пробку наживи. Не затягивай, чтобы у стариков пупки не развязались. Все, работаем.

Монтажники разбрелись по местам, бросая на дверь выжидательные взгляды. Ну, где вы там?

А вот они! И - прямиком к полторашке. Глаза озорные, горящие – вспомнили, небось, чекистское прошлое. Или даже жандармское.

- Сергей Иванович,- это Алексей Алексеевич бригадиру,- смотри! Дурят вас снабженцы – вместо спирта эфир выдают. Вон как жидкость за сорок минут улетучилась.

- А мы сейчас причину столь быстрого испарения вычислим,- ответил Жуков. Получилось, надо отдать должное, зловеще.

И пошел, крутя носом, от одного монтажника к другому. Даже прикомандированного Кочаряна не пропустил. Пожалел лишь практиканта. И, как тут же выяснилось, зря.

Повинуясь мановению лохматой брови Петровича, Витя подошел на негнущихся ногах к пульту, взял бутылку, открыл и со словами:- Что-то жарко стало,- выпил остатки жидкости.

Если бы Гоголь увидел возникшую следом немую сцену, он бы своего "Ревизора" тоже сжег. От стыда, что не дотянул финал.

Павел Сергеевич взмахнул руками, решив, наверное, что он птица. Алексей Алексеевич тоненько ахнул и едва не выронил вставную челюсть. Бригадир замер на одной ноге – точь-в-точь как стоял под прошлый новый год над сеткой с шампанским, случайно оброненной у самого подъезда. Монтажники безмолвно ликовали.

Потом Жуков бросился к Вите, отобрал бутылку и долго пытался вонзить в ее горлышко свою носовую пуговицу. И, наконец, обмяк.

- Ах, черти,- выдохнул он с растерянной улыбкой,- развели профессионалов. Мать вашу так и разэдак...

И пошел сыпать непарламентскими выражениями, которым его щедро научили командиры во время службы на большом противолодочном корабле. И каждое доселе не слышанное монтажники встречали бурей восторга. А, поскольку раньше бригадир свое реноме берег, то восторг был практически беспрерывный и закончился лишь через десять минут.

- Расти вам надо, Сергей Иванович,- уважительно сказал Павел Сергеевич,- засиделись вы в бригадирах.

- Так образования маловато,- заскромничал Жуков.

- Чем выше должность, тем больше чихать на образование,- поддержал коллегу Алексей Алексеевич.- Зато ваше умение работать с людьми... я поговорю с министром.

И все радостно заулыбались друг другу.

А потом бригадир смахнул с пульта случайные крошки, нажал большую красную кнопку, и – ничего не случилось. Вообще ничего.

Не загорелись сигнальные светодиоды. Не зажужжали кулеры. Не щелкнули динамики. Не запахло тем волшебным запахом нагревающейся аппаратуры. Ни-че-го.

- Ты питание подключил?- шепотом спросил у Кузько Парамонов.

- Вчера же пробовали. И утром включали. Все работало. Пи-пе-ец...

Работали дружно: вскрывали панели, прозванивали соединения, извлекали из паутины проводов практиканта. Даже старички полезли в блок питания, демонстрируя такое знание профессионального сленга, что у Петровича встали дыбом брови.

Прикомандированный сантехник Ашот Кочарян несколько раз предлагал свои услуги, но телефонная станция – все-таки не унитаз. Немного сложнее. Хотя он с этим был явно не согласен.

Непривычно молчаливый – выговорился, видать – бригадир встал к Петровичу вторым номером, исправно подавал инструменты, отрезал изоленту, и вообще пользы от него было больше, чем от практиканта Вити.

Через час все дружно сидели на полу и делали вид, что не обращают внимания на закурившего в неполюженном месте Кузько.

- Давайте с начала,- предложил Алексей Алексеевич.- Мы с вами люди насквозь современные, в чертовщину и мистику не верим.

Парамонов закашлялся под пронзительным взглядом Жукова.

- Есть у нас потомственные атеисты,- ехидным голосом сказал бригадир,- в прошлый раз проверили крепость неверия. Слабовата оказалась крепостишка.

(смотрите рассказ ["Столб"](#), опубликованный ранее)

- В мире еще много неизученного,- вяло ответил Парамонов.

Все подумали и согласились. Даже Жуков.

- Техника раньше работала?

- Гоняли в тестовом режиме три дня без выключения.

- Без сбоев?

- Даже намек не было.

- А сейчас не работает.

- Не работает,- грустно вздохнул Петрович и тоже полез за сигаретой.

- Все узлы проверили?

- Абсолютно.

- Тогда вспоминайте – что изменилось? Любую мелочь вспоминайте. Самую незначительную.

А и вспоминать нечего. Сюда даже уборщица ни разу не заходила. Сами обрывки изоленды под шкаф ногами заталкивали.

- Тебя-то зачем прикомандировали?- спросил Алексей Алексеевич у Ашота.

- Радиаторы отопления менял,- гордо ответил Кочарян.- Две недели назад. Тут еще ничего не было.

- А чего не забрали?

- Забыли,- вздохнул Ашот и загрустил.

- Вертится что-то в голове,- вдруг сказал Павел Сергеевич,- какая-то детальюшка. Да никак мысль за хвост не ухвачу.

- У меня тоже вертится,- поддакнул с подоконника Кузько.

Все посмотрели на него настолько долгими взглядами, что он поежился и принялся защищаться:

- А что? Может, я тоже иногда думаю.

- Ты о своей единственной мысли никому не рассказывай, ладно?- хмуро сказал Жуков.

Поднявшись на ноги, уже без всякого энтузиазма снова углубились в недра станции, благо, панели сняты.

Кочарян по просьбе бригадира даже сходил на улицу – нет, провода никто не отрезал. И в доказательство щелкнул выключателем – под потолком тут же мерно загудели лампы дневного света.

- Ладно, начинаю допускать существование мистики,- за полчаса до конца рабочего дня выдохнул Алексей Алексеевич.- Всем домашнее задание – придумать самую невероятную причину поломки совершенно исправного оборудования.

- Тут без поллитры точно не разберешься,- буркнул Кузько.

- Вечно ты любой вопрос к пьянке сводишь,- зашипел бригадир,- даже в такой момент о водке думаешь...

- А почему, если говоришь "поллитра", то все сразу начинают думать про водку?- обиделся Кузько.- Что, других напитков в бутылках не бывает? Нарзан, к примеру, или это...как его... сидро, прости господи...

- Тихо!- крикнул Павел Сергеевич.- Мысль спугнете! Вот же она, совсем рядом...

Все замерли, стараясь дышать через раз.

Распахнулась дверь, в зал ввалился жизнерадостный водитель Гоша.

- Чего вы тут зависли, пентиумы?- заорал он с порога.- На улице такая погода, а они в каземате сидят. Бери шинель, пошли домой! Упарились, небось? А я с выезда, за городом воздушку кидали, набрал в источнике воды – до сих пор холодная. Вот!

И Гоша торжественно поставил на пульт бутылку. Полторашку.

Замигали светодиоды. Загудела аппаратура, зашипели динамики. Станция ожила.

- Ну-ка, сынок,- тихо сказал Алексей Алексеевич,- убери бутылку.

Все разом отключилось.

- Нет контакта,- прошептал Павел Сергеевич.- Вот она – мысль... Поставь.

Гоша осторожно поставил бутылку на пульт. Станция снова ожила.

- Есть контакт,- удивленно сказал Парамонов.- Как это может быть?

- Три дня. Три дня практикант Витя приносил бутылку с водой и ставил ее... куда ты ее ставил, Витя?- начал размышлять вслух бригадир.

- Да, в принципе, на это же самое место,- виновато ответил Витя.

- На это же самое место... так... Петрович, а что у нас находится на этом самом месте?

- В смысле?- не понял Петрович.- Бутылка с водой. Полторашка.

- Ты вглубь смотри. Что под ламинатом? В чем от полутора килограммов тяжести контакт есть, а без воды – нет? Что у нас там, Петрович?

- А, в этом смысле... кабель от блока питания идет к центральному процессору.

- Может, мы этот кабель заменим?- совсем уж ласково спросил Жуков.

Утром монтажники снова пришли на станцию. Собственно, работы осталось так – сделать вид, что она еще есть.

На пульте стояла полторашка. Под ней белела записка.

Петрович по праву старшинства взял ее, поправил очки и громко прочитал:

- "Давно не получали такого удовольствия от работы. Благодарим и оставляем на мистическом месте презент ударной бригаде".

- Правильные старички,- прогудел Кузько.- Понимают рабочий класс.

Парамонов хмыкнул, но язвить в этот раз не стал.

Тут в зал влетел как всегда опаздывающий практикант.

- Всем привет!- крикнул он запыхавшимся голосом.- О! Водичка!

И отхлебнул одним глотком почти треть...